

Особый артиллерийский запас и Босфорская экспедиция

Сергей Чекмарёв

Special artillery reserve and the Bosphorus expedition

Sergei Chekmarev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050119, EDN: KLGRCY

В советской историографии «проблема проливов» традиционно рассматривалась как часть более масштабного «Восточного вопроса» — комплекса противоречий ведущих мировых держав (прежде всего Великобритании и России) в регионах Чёрного и Средиземного морей, а также Балкан и Южной Европы, находившихся полностью или частично под властью Турции¹. В современных исследованиях Босфорская экспедиция рассматривается чаще всего как часть балкано-турецкого направления внешней политики Петербурга. Исследуется деятельность Главного штаба под руководством Н.Н. Обручева, который планировал и готовил военную экспедицию, отмечается ведущая роль англо-русского соперничества в регионе². Англо-русское противостояние относительно Босфора и Дарданелл нашло своё отражение и в западной историографии, прежде всего в работах по истории британского военно-морского флота³. При этом Босфорская экспедиция как вариант решения «Восточного вопроса» значительно менее изучена. Данная статья ставит перед собой цель раскрыть такой аспект её подготовки, как формирование Особого артиллерийского запаса.

Генезис идеи. К моменту проведения Босфорской экспедиции идея одновременного использования против превосходящих сил неприятельского флота береговой артиллерии и минных заграждений была не нова. Так, подобная схема защиты была опробована Россией, хоть и с неоднозначными результатами, ещё в Крымскую войну на Балтийском море. Уже в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. применялись общие принципы минно-артиллерийской позиции, созвучные их современному пониманию. Так, в конце апреля 1877 г. для прикрытия переправы русских войск через Дунай у Браилова была «вооружена» батарея из четырёх осадных орудий, после чего сапёры немедленно начали устанавливать на реке минное заграждение для дополнительной защиты от мониторов. Группа турецких кораблей попыталась помешать установке мин и сорвать переправу, русская батарея в ответ открыла огонь.

© 2022 г. С.А. Чекмарёв

¹ *Хвостов В.М.* Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. // Историк-марксист. 1930. Т. 20; *Княпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994; *Рыбачёнок И.С.* Разногласия в правящих кругах России о направлении внешней политики в 1886–1887 годах // Вестник Московского университета. Сер. История. 1973. № 5.

² *Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М., 2006; *Айранетов О.Р.* Англо-русское противостояние в Восточном Средиземноморье и проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX века // Россия и реформы. М., 1997; *Айранетов О.Р.* Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

³ *Kennedy P.M.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. L., 1976; *Marder A.J.* The Anatomy of British Sea Power. N.Y., 1940; *Панастратиевасис Н.* Британская стратегия: Русский флот и Черноморские проливы, 1890–1904 // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IX. М., 2010.

Первоначально обстрел не приносил результата, однако впоследствии русские артиллеристы дважды попали по ближайшему броненосному корвету «Луфти-Джелиль». Оба снаряда пробили палубу и вызвали детонацию порохового погреба, что повлекло немедленную гибель корабля⁴. Огонь вёлся из 9-дюймовой мортиры (229 мм) и 24-фунтовой (152 мм) пушки на расстояние от 3,5 до 4 тыс. м.

В феврале 1878 г., когда русские войска уже приближались к Константинополю, в Мраморное море под стены турецкой столицы вошла британская эскадра адмирала Д. Хорнби, состоявшая первоначально из четырёх, а потом и шести броненосцев⁵. Официальным поводом появления эскадры служила, естественно, защита «жизни и собственности британских подданных»⁶. Было понятно, что при дальнейшем обострении ситуации английская эскадра не преминет прорваться в Чёрное море.

По просьбе Александра II Э.И. Тотлебен немедленно приступил к планированию и подготовке адекватного угрозе силового ответа. Итогом стала всеподданнейшая записка «О захвате Босфора», представленная императору в марте 1878 г.⁷ Предлагалось захватить ударом с тыла все турецкие укрепления на западном берегу Босфора от Буюк-Дере до Чёрного моря, выставить в проливе минные заграждения (для чего 500 мин было отправлено в Одессу и подготовлено к отправке ещё 300) и установить на возвышенностях дополнительные батареи на 50 мортир (в основном 6- и 9-дюймовых). Орудия и мины планировалось перевозить на судах «Русского общества пароходства и торговли» (РОПиТ). Армии следовало обеспечить создание на Верхнем Босфоре плацдарма, защищённого с моря и суши.

Замысел Особого запаса. Общая задача Босфорской операции была поставлена в 1881 г. на Особом морском совещании высшего политического и военного руководства, решения которого получили полное одобрение Александра III. Совещание констатировало «постепенно приближающуюся окончательную развязку Восточного вопроса» и указало на необходимость русскому флоту «готовиться к тому, чтобы в момент наступления развязки овладеть устьями Босфора, укрепиться на обоих его берегах и, став прочно у входа в Чёрное море, оградить его воды и берега от всякого посягательства. Такую операцию можно совершить посредством быстрого десанта»⁸. За действия и подготовку кораблей эскадры отвечал Черноморский флот, десанта и экспедиции в целом — Одесский военный округ, что было впоследствии подтверждено высочайшей инструкцией 1897 г.⁹

Задача стояла сложная, прежде всего с логистической и организационной точек зрения. Предстояло подготовить то, что русская военная мысль того времени именовала «смешанной морской экспедицией». Под этим понималась операция, «при которой сухопутные войска, для того чтобы достичь театра военных действий, должны предварительно совершить морской переезд, какой производится под охраною флота, имеющего целью способствовать вместе

⁴ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. Вып. 2. СПб., 1898. С. 58.

⁵ Parkinson R. The Late Victorian Navy. The Pre-Dreadnought Era and the Origins of the First World War. Woodbridge, 2008. P. 17.

⁶ Дневник Д.А. Милютин. Т. 3. М., 1950. С. 19.

⁷ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 587, л. 4–6.

⁸ Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России... С. 173.

⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 37.

с тем выполнению той же задачи, которая поставлена и конвоируемым сухопутным войскам»¹⁰.

К 1890-м гг. планы экспедиции оформились окончательно. Суть замысла сводилась к прорыву броненосцев Черноморского флота в Верхний Босфор и высадке там десанта с последующим блокированием минными постановками и артиллерийскими позициями. При этом турецкие береговые батареи подавлялись огнём эскадры и штурмом десантных подразделений с суши. Следует отметить, что к 1895 г. Россия имела на Чёрном море уже пять эскадренных броненосцев, вскоре эскадру усилил «Три святителя». Вооружены они были 32 12-дюймовыми (305 мм) и 40 6-дюймовыми (152 мм) орудиями¹¹.

По оценкам зарубежных историков, в 1895–1904 гг. в гаванях Мальты на постоянной основе базировались от 12 до 14 современных британских броненосцев¹², превосходивших боевые возможности Черноморского флота. В связи с этим командование Одесского военного округа неоднократно заявляло, что «какое бы широкое развитие ни получил бы наш Черноморский флот, противники наши всегда могут явиться сюда с большими силами и потому преграждение пролива одними только нашими морскими силами всегда будет недостаточно надёжным»¹³. Возникла и получила развитие идея привлечения Особого артиллерийского запаса, специально доставленного в район высадки, и обустройства на его основе минно-артиллерийской позиции. В первой половине 1900 г. командующий войсками Одесского военного округа гр. А.И. Мусин-Пушкин и начальник штаба округа генерал А.П. Протопопов подготовили для доклада военному министру пакет итоговых аналитических записок по экспедиции, касающихся в том числе Особого артиллерийского запаса¹⁴.

Структура и предназначение Особого запаса. В марте 1885 г. Александр III по ходатайству Обручева и главы Морского министерства адмирала И.А. Шестакова воссоздал Комиссию по обороне Черноморского побережья – своеобразный межведомственный инструмент по комплексному решению задач подготовки экспедиции. Комиссия возглавлялась командующим войсками Одесского военного округа, в неё также входили начальник штаба округа, командующие Черноморским флотом и практической эскадрой, а также директор РОПиТа¹⁵. При обсуждении общих принципиальных вопросов в заседаниях Комиссии принимали участие высшие чины Министерства финансов и МИД.

Вопросы, связанные с Особым артиллерийским запасом, на заседаниях Комиссии обсуждались в первоочередном порядке. Созданный в 1886 г., он предназначался «на случай надобности вооружения берегов Черного моря» и состоял из 125 стволов, преимущественно пушек и мортир большого калибра¹⁶. При этом используемое название являлось скорее административным, сам запас представлял собой «лишь артиллерийские склады, разбросанные по различным пунктам побережья; никаких средств, равно как и плана сосредото-

¹⁰ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник. 1898. № 7. С. 23.

¹¹ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. С. 88.

¹² Kennedy P.M. Op. cit. P. 206.

¹³ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 44.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 11, л. 14.

¹⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 41.

точения его в том или другом пункте, ещё не было выработано»¹⁷. Склады располагались в Одессе, а также в Севастопольской и Керченской крепостях. Впоследствии возникло намерение использовать артиллерию Особого запаса для организации батарей у Босфорского пролива как «средство для противодействия неприятельскому флоту в попытках к прорыву через положенное нашим флотом минное заграждение»¹⁸.

Комиссия по обороне, рассмотрев весной 1893 г. состояние Особого запаса, констатировала наличие 20 батарейных пушек, семи 6-дюймовых пушек, 36 9-дюймовых мортир. Позднее на плацдарм могли быть доставлены ещё 15 тяжёлых орудий (калибра 9 и 11 дюймов)¹⁹. Черноморский флот устами своего главного командира вице-адмирала Н.В. Копытова возражал против такой номенклатуры, мотивируя это «малой вероятностью попадания в подвижную цель при стрельбе из мортир». Флот требовал большего количества тяжёлых орудий и, кроме того, скорострельных пушек малого калибра «для стрельбы по мелким судам»²⁰. В результате комиссия приняла соломоново решение – добавить «до 40 6[-дюймовых] пушек наиболее современных систем (по возможности скорострельных), окончательное же выяснение числа орудий в зависимости от местных условий и распределения их по батареям возложить на специалистов, которых надлежит командировать на Босфор»²¹. При этом было признано необходимым включение в состав запаса специализированного «мортирного полка»²². Акцент на скорострельные 6-дюймовые пушки, таким образом, демонстрирует прежнюю приверженность традиционной идее защиты минных заграждений.

Об этом же свидетельствует первоначально значительная доля батарейных орудий. «Батарейной» (современный термин – дивизионная) называлась пушка модели Круппа образца 1877 г. калибра 4,2 дюйма, хорошо зарекомендовавшая себя в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.²³ Она стреляла гранатами (осколочно-фугасное действие) и шрапнелью с максимальной дальностью около 5,3 тыс. м, обладала по тому времени неплохой скорострельностью (около 2 выстрелов в минуту) и, имея колёсный лафет и расчёт из семи номеров, была достаточно мобильной. Очевидно, что для брони линейных кораблей её снаряды большой угрозы не представляли, чего не скажешь о небронированных судах.

Уже в 1894 г. Копытов, командир практической эскадры Черноморского флота, в связи с увеличением английской эскадры Средиземного моря заявил, что в сложившихся условиях «одному Черноморскому флоту уже не под силу бороться с этой эскадрой, вошедшей в пролив»²⁴. В 1894–1895 гг. действительно произошёл «непомерный рост английских морских сил в Средиземном море»²⁵, и нельзя не отметить хорошую осведомлённость командования русского флота о силах и средствах предполагаемого противника.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 17.

¹⁹ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 1 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 7 об.

²² Там же, л. 8 об.

²³ Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. Т. 4. СПб., 1911. С. 413.

²⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 52 об.

²⁵ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 7 об.

В 1895 г. на Босфор под очередным благовидным предлогом и с согласия султана была направлена комиссия из подготовленных офицеров Одесского военного округа с негласным поручением непосредственно «выбрать места для расположения батарей особого запаса и составить, применяясь к местным условиям, расчёт работ по возведению их»²⁶. Следует отметить, что в 1896–1897 гг. в связи с кризисом на Крите обозначилась реальная возможность занятия Босфора в ходе действий европейских держав против Турции. Сформированный для данного случая Особый запас составлял «36 9[–дюймовых] мортир, 20 6[–дюймовых] орудий, 20 4-фунтовых пушек, 6 скорострельных и 3 версты железной дороги»²⁷.

Экспедиция 1897 г. не состоялась из-за изменения политической обстановки. К тому же в следующем году значительная часть пушек была направлена на Дальний Восток для обороны Порт-Артура. Для окончательного определения состава запаса в 1899 г. пришлось создавать особую комиссию под председательством известного преподавателя и учёного, генерала от артиллерии Н.А. Демьяненко²⁸. Он пользовался внушительным профессиональным авторитетом, а его решения в области артиллерии обладали значительным аппаратным весом, что могло послужить гарантией от постепенного разукomплектования Особого запаса в дальнейшем. В итоге прежняя структура была сохранена, изменилась лишь численность, составлявшая отныне 44 9-дюймовых береговых мортир, 16 9-дюймовых лёгких мортир, 20 6-дюймовых тяжёлых (в 190 пуд) пушек, 6 6-дюймовых пушек Кане, 20 батарейных пушек, 34 57-мм скорострельных пушки и 24 пулемёта Максима²⁹.

Первоначальная задача — защита установленных мин — возлагалась на 6-дюймовые пушки Кане и 57-мм скорострельные Норденфельда, а также на пулемёты³⁰. В береговой артиллерии мортиры традиционно считались оптимальным средством для навесной стрельбы по палубам военных судов³¹. Причина крылась в их устройстве и баллистике — дальность конкретного выстрела и траектория полёта мортирной бомбы могли меняться в зависимости от угла возвышения ствола и количества предварительно закладываемого порохового заряда. На практике это выражалось в том, что мортирная бомба попадала не в броневой пояс, а в слабо защищённую палубу. Помощник командующего Одесским военным округом генерал Д.П. Дохтуров отмечал: «Особый запас не имеет в своём составе орудий броневой. Имеющиеся в нем мортиры своим навесным огнём могут нанести весьма сильный вред неприятельским судам, стреляя по палубам этих судов; таким образом эти орудия могут называться палубобойными и в настоящее время считаются более грозными для судов, чем прицельные орудия, даже броневой»³².

Таким образом, структура запаса 1899 г. свидетельствует об опоре на орудия ближнего (6-дюймовые и батарейные пушки) и внутреннего боя (мортиры). Защиту минных заграждений от траления малыми судами в полном соответствии со своими тактико-техническими данными должны были осуществлять

²⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 53.

²⁷ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 86.

²⁸ Подробнее о Демьянкове см.: Военная энциклопедия. Т. 9. СПб., 1912. С. 33.

²⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 42.

³⁰ Там же, л. 5.

³¹ Военная энциклопедия. Т. 16. СПб., 1914. С. 441.

³² РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 5.

скорострельные пушки Норденфельда и пулемёты, которые в то время тоже относились к артиллерии.

С учётом передового выдвинутого расположения и хорошего обзора моря форты вооружались 10-дюймовыми пушками большой дальности³³. 11-дюймовые пушки устанавливались на реконструируемую по этой же программе Константиновскую батарею. Очевидно, что условия Финского залива разительно отличались от узостей Верхнего Босфора с извилистым фарватером, крутыми берегами и ограниченной видимостью. Ввиду предполагаемого места расположения орудий, определённого неоднократными рекогносцировками артиллеристов, выбранный вариант Особого запаса представляется вполне обоснованным.

Замысел Э.И. Тотлебена, получивший практическое оформление при Обручеве, являлся простым до гениальности. В соответствии с ним десантная экспедиция обеспечивалась огневой мощью практически целой приморской крепости. «Главная оборона пролива должна быть основана на артиллерийском огне», — заключила в декабре 1894 г. Комиссия по обороне³⁴. Очевидно основываясь на своём сулинском опыте, глава комиссии по минным вопросам И.М. Диков утверждал, что если оборона пролива должна базироваться на артиллерии, то «само же занятие Босфора надо основывать преимущественно на минах... и в большом количестве»³⁵. Одновременно с помощью флота устранялся главный недостаток любых укреплений и фортификаций — их статичность и неподвижность. Особый запас «должен быть подвижен»³⁶ и мобилен.

Непосредственная подготовка к экспедиции. С самого начала подготовки Особого запаса комиссия исходила из признания «главным моментом успеха внезапность появления и быстрое устройство обороны на захваченном пространстве»³⁷. В апреле 1893 г. было принято решение о том, что «надлежит орудия, лафеты, основания и средства для выгрузки их на берегу хранить не в складах, а на судах, специально для сего приобретённых и приспособленных»³⁸. В августе—сентябре 1895 г. часть Особого запаса принимала участие в больших манёврах Черноморского флота, отрабатывавшего основные моменты экспедиции. Орудия перевозились на транспортах «Березань» и «Днестр», выгружались и проводили учебные стрельбы на Тендровской косе у Очакова³⁹. В последующем для размещения, хранения и транспортировки орудий Особого запаса были выделены три специализированных военных транспорта. С 1898 г. все орудия запаса согласно таблицы, кроме пушек Кане, уже хранились в «распределённом» виде, по крайней мере, на транспорте «Березань»⁴⁰.

С 1896 г. начались испытания «применения механических двигателей и электрической тяги для передвижения грузов при поставке Особого запаса на вооружение»⁴¹. Регулярно проводились тренировки расчётов орудий «с целью разработки наиболее простых и практических способов и приёмов выгрузки

³³ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 322–325.

³⁴ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 8, л. 13 об.

³⁵ Там же, л. 20.

³⁶ Там же, л. 13 об.

³⁷ Там же, д. 7, л. 7 об.

³⁸ Там же, л. 8.

³⁹ Там же, ф. 920, оп. 1, д. 196, л. 258.

⁴⁰ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 41–42.

⁴¹ Там же, л. 53.

с судов, доставки на берег и производства вооружительных работ»⁴². В 1894 г. такие «опыты десантных манёвров» были произведены под Севастополем с 9-дюймовой тяжёлой мортирой и 6-дюймовой тяжёлой пушкой. В 1896 г. тренировались в выгрузке уже с 21 орудием, подчёркивалась необходимость строгой очерёдности в погрузке орудийного имущества на транспорты и соблюдения при этом обратной последовательности по отношению к выгрузке. Были приняты к исполнению рекомендации полковника Э.Х. Калнина, советовавшего грузить на каждое судно конкретные орудия в полном комплекте, что обеспечивало бы «скорость вооружения известной группы батарей»⁴³. Установлена также недостаточность имевшегося в запасе «количества переносной железной дороги» и подвижного состава. Длина дороги (и соответственно количество её частей, загружаемых на транспорты) увеличена до 25 вёрст⁴⁴.

С учётом неизбежности противостояния с британской эскадрой особое значение приобретала скорость разгрузки и приведения пушек в боевую готовность. К следующим учениям 1898 г. подготовили специальный временной график, включавший все работы по «прокладке пути, выгрузке, доставке и установке орудий», при этом общая продолжительность составляла 60 часов⁴⁵. Предполагалось задействовать уже 31 орудие из Особого запаса, причём большая часть — 9-дюймовых и 6-дюймовых мортир и пушек.

Итоги учений были в целом обнадеживающими. Выяснилось, что «весь манёвр оказался выполненным гораздо скорее, а именно в 48 часов», но непосредственно прокладка и сборка железнодорожного пути потребовали гораздо больше времени⁴⁶. На манёврах присутствовал военный министр А.Н. Куропаткин, указавший на «необходимость сформирования особой команды специально для прокладки железнодорожного пути»⁴⁷. Команда была сформирована из железнодорожных войск и приступила к обучению применительно к целям и задачам экспедиции.

С 1899 г. начались опыты по оперативной постройке из быстросохнущего бетона основания под 9-дюймовую береговую мортиру, чтобы «заменить громоздкие деревянные части имеющихся в запасе оснований бетоном, чем значительно облегчится перевозка»⁴⁸. В сентябре 1901 г. вновь прошли учения с выгрузкой, стрельбами из орудий запаса и обратной погрузке на транспорты. Броненосцы стреляли по Тендровской косе у Очакова, а у Севастополя проходила учебная высадка десанта. Там же в короткий срок были возведены батареи, 32 орудия для них сгружены с судов и перевезены к месту назначения по оперативной сооружённой железнодорожной ветке. Николай II одобрил результаты манёвров и повелел сделать их ежегодными⁴⁹.

Таким образом, вывод, сформулированный руководством Одесского военного округа к 1900 г., выглядит вполне обоснованным: «Особый артиллерийский запас в настоящем его виде представляет из себя могучую артиллерийскую силу, хранящуюся в совершенно готовом виде к постановке её в том или

⁴² Там же, л. 43.

⁴³ Там же, л. 49 об.

⁴⁴ Там же, л. 43.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, л. 44.

⁴⁸ Там же, л. 35.

⁴⁹ Там же, д. 15, л. 85.

другом побережном пункте»⁵⁰. Использование орудий Особого запаса в ходе десантной операции планировалось во взаимодействии с корабельной артиллерией Черноморского флота и при установленной минной позиции. Руководство Одесского военного округа прямо указывало на это в 1900 г.: «Запас наш представляется совершенно необходимым дополнением артиллерии и мин Черноморского флота. Только совокупными действиями флота и запаса мы можем вполне надёжно преградить пролив, т.е. сделать прорыв неприятельского флота в Чёрное море совершенно невозможным»⁵¹.

Особый запас в планируемой операции. В 1900 г. Дохтуров составил итоговый подробный план десанта, исходивший из актуальных практических возможностей округа и флота⁵². По подсчётам русских военных специалистов, английский флот от места своего базирования на Мальте при средней скорости 8–10 узлов преодолевал путь до Дарданелл за 5–8 дней. Ожидалось, что броненосцы противника как основная ударная сила придут к Босфору на шестой-седьмой день после получения соответствующего приказа⁵³. По «Очерку плана действий» Дохтурова русская эскадра должна была выйти в море на рассвете следующего дня после сигнала к началу операции, а на рассвете четвёртого дня – прибыть к Босфору и высадить первый эшелон десанта. Британцев же ждали на седьмой день высадки и одиннадцатый день всей экспедиции.

В соответствии с планом, окончательная погрузка орудий запаса на закреплённые военные транспорты должна была начаться через час после получения условного сигнала⁵⁴. Перевозка орудий предусматривалась только вторым рейсом (на четвёртый день), транспорты которого должны были подойти к Босфору на шестой день. В 10 часов утра этого дня в бухте Буюк-Дере с транспортов «Березань», «Прут» и «Днепр» планировалась разгрузка Особого артиллерийского запаса и высадка обслуживающих частей. Одновременно предполагалась укладка необходимого железнодорожного пути и установка орудий на позициях.

Процесс приведения Особого запаса к боеготовности занимал 72 часа, до полудня десятого дня операции. С этого момента на обоих берегах Босфора уже должны были быть установлены и готовы к открытию огня 140 орудий. Впоследствии командование Одесского военного округа пришло к выводу: «Тогда оборона пролива тяжёлой артиллерией может перейти на обязанность Особого запаса. Но так как в течение первых 7-ми дней [после высадки] нельзя обойтись без отражения попыток судов противника прорваться через минное заграждение, то в этом случае необходимо рассчитывать на содействие бронёбойной артиллерии флота»⁵⁵. В результате части русской армии и корабли должны были прочно занять весь Верхний Босфор, блокировав пролив примерно по линии Терапия(Тарабья)–Бейкос.

Осенью 1900 г. в Одессе с участием Куропаткина состоялось совещание, посвящённое планированию и перспективам реализации экспедиции. В результате план признали реальным и в целом одобрили, подчёркнув решающую роль орудий Особого запаса в операции, а также необходимость его пополне-

⁵⁰ Там же, д. 588, л. 52.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 4.

⁵³ *Обручев Н.А.* Смешанная Морская экспедиция // Военный сборник. 1895. № 8. С. 129.

⁵⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 6.

⁵⁵ Там же, л. 37.

ния пушками Кане хотя бы до установленного минимума. Военный министр напротив указания общего числа орудий запаса приписал: «как мало»⁵⁶.

Моделирование боевого столкновения. В 1902 г. в Санкт-Петербурге в преддверии больших учений состоялась военно-морская стратегическая штабная игра по теме захвата Верхнего Босфора. При её подготовке в Главном морском штабе (ГМШ) проведён ряд предварительных совещаний для анализа ключевых проблем организации экспедиции. Отдельно рассматривался вопрос о «действительности огня орудий Особого запаса по судам Средиземноморской эскадры английского флота»⁵⁷. Представляется, что осторожный оптимизм относительно перспектив Особого запаса базировался на нескольких основаниях. К важнейшим относились возможности подобранных артиллерийских позиций, вписанных в своеобразный рельеф Верхнего Босфора, а также учёт тактических и технических характеристик броненосцев оппонента. Немаловажными являлись судоходные особенности самого пролива, в целом облегчавшие задачи обороняющейся стороны.

Проливы Босфор и Дарданеллы являются непростыми для навигации, на что неоднократно указывали английские лоции XIX в.⁵⁸ Длина Босфора невелика — около 30 км, ширина колеблется от 700 м до 3,4 км, пролив отличается «многими извилинами» с изменениями глубин — от 13 до 110 м, большим количеством песчаных «банок» и мелей. Фарватер прохождения требует постоянного маневрирования судна, в том числе с поворотами на 45 и 80 градусов. Картину дополняют «беспрестанно сильное течение» в 6 узлов, а также резкие перепады погоды и видимости в осенне-зимний период⁵⁹. Свою максимальную ширину в 3,4 км (примерно 1,85 морской мили) Босфор имеет в бухте Буюк-Дере. «Бухта сия обширна, и в ней становятся на якорь на 9, 8 и 7 саженьях»⁶⁰. В соответствии с планом Дохтурова именно Буюк-Дере (ориентир на современных картах — Сарыер) была выбрана для разгрузки Особого запаса с транспортов «Березань», «Прут» и «Днестр».

При разгрузке транспортов предполагался общий принцип: «тяжёлые орудия — по преимуществу на азиатский берег, а легкие — на европейский»⁶¹. На азиатском (восточном) берегу батареи устанавливались на лесистых отрогах Юша-Дага (район мечети «Могила Йуши»), идущих к мысу Сельви-Бурну. На европейском (западном) — в так называемом посольском парке. Поселение Буюк-Дере действительно являлось в XIX в. местом летнего пребывания русского посольства, так что территория этого плацдарма была изучена хорошо. Установка пушек производилась на конкретные позиции, определённые заранее. «Батареи на отрогах Юша-Дага, между местечком Умур-Еры и мысом Сельви были протрассированы накануне... 11-м сапёрным батальоном под руководством инженерных офицеров»⁶². При разгрузке следовало использовать уже установленные сапёрами пристани и ранее перевезённые паровые катера.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 58.

⁵⁸ Лоция Ионических островов и Архипелага, содержащая также наставления для плавания Дарданеллами, Мраморным морем и Константинопольским проливом, составленная гидрографом Английского флота И. Норием. Николаев, 1841. С. 190–194, 197–207.

⁵⁹ Там же. С. 197.

⁶⁰ Там же. С. 201.

⁶¹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 37.

⁶² Там же.

По плану Дохтурова, процесс установки и приведения Особого запаса к боеготовности должен был занять трое суток. При этом в полном согласии с заветами Э.Х. Калнина выгрузку и сборку предполагалось осуществить независимо, так что «через сутки часть орудий, по преимуществу лёгких, будет уже стоять на вооружении»⁶³.

Заграждение из нескольких сотен мин формировалось на Босфоре южнее, ниже мыса Сельви-Бурну, перегораживая пролив примерно по линии Терапия—Бейкос. Оно находилось в прямой видимости от «посольского парка» на расстоянии примерно 4,5 км, т.е. в зоне поражения батарейных пушек, пушек Кане и «скорострелок» Норденфельда. Учитывая широкое применение шрапнели и общее количество орудийных стволов среднего и малого калибров, этот участок морской поверхности превращался в зону абсолютного поражения для слабо бронированных судов. Попытки разминирования фарватера таким образом гарантированно предотвращались.

При оценке позиций тяжёлых мортир и 6-дюймовых орудий на противоположном азиатском берегу необходимо отметить, что Бейкос, как и южная часть пролива, был расположен в зоне их уверенной досягаемости (3,5–4 км). У противоположной через пролив Терапии имеется «мель, её окружающая»⁶⁴, т.е. корабли с большой осадкой вынуждены принимать вправо — к азиатскому берегу, в зону отмеченной досягаемости. Соответственно британские броненосцы при подходе к линии минного заграждения Терапия—Бейкос значительно ограничивались в скорости, манёвре и курсе. При этом позиции русской тяжёлой артиллерии заслонялись от комендоров эскадры мысом Сельви-Бурну.

Артиллерийская наука того времени выделяла, кроме настильного и навесного, специальный тип огня — перекидной, «при котором снаряд перелетел бы через прикрытие и ударил бы в намеченную точку вертикально поверхности цели»⁶⁵. В рассматриваемом же эвентуальном конфликте после высадки только первого эшелона десанта (европейский берег — 19 батальонов, азиатский — 13) на мысе Сельви-Бурну могли находиться только русские наблюдатели и сигнальщики. Это обстоятельство гарантировало крупнокалиберным орудиям Особого запаса необходимую корректировку для точной стрельбы с закрытых позиций.

На вопросы разведки в зоне высадки, в том числе артиллерийской, русское командование обращало пристальное внимание ещё на стадии подготовки экспедиции. Рассматривались даже нетрадиционные способы, с вполне, впрочем, утилитарных позиций. Так, Комиссия по обороне на одном из своих заседаний в апреле 1893 г. отмечала: «Необходимо будет воспользоваться в широкой степи разными средствами, облегчающими наблюдение за действиями морских и сухопутных сил противника. В этом отношении громадную услугу мог бы доставить привязной шар». Планировалось организовать «высылку воздухоплавательной команды на один из десантных манёвров в Крыму для испытания шара в гористой местности»⁶⁶. Однако эта идея не получила практического воплощения.

Возвращаясь к проблеме результативности применения Особого запаса, необходимо отметить, что дальность выстрела мортир (7–7,5 км) и тяжёлых

⁶³ Там же.

⁶⁴ Лоция Ионических островов... С. 201.

⁶⁵ Военная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1911. С. 103–106.

⁶⁶ РГАВМФ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 3 об.

пушек (примерно 8,5 км) полностью покрывала полосу пролива протяжённостью, по крайней мере, 4 км от минного заграждения на юг. Скорострельность и количество тяжёлых орудий позволяли сделать в сумме 84 выстрела за две минуты боя. При этом судоходные особенности пролива и установленные мины резко ограничивали боевые корабли противника в мобильности. Таким образом, для русских артиллеристов речь шла не о «стрельбе по движущимся целям», чего так опасались моряки применительно к мортирам, а о ведении сосредоточенного огня по заранее расписанным квадратам на ближней и средней дистанциях.

Лёгкие же 9-дюймовые мортиры с дальностью в 3 км практически закрывали бухту Буюк-Дере и ближайшие подступы к позициям артиллерии на обеих её берегах, решая вместе с пулемётами противодесантную и противопехотную задачи. При установке тяжёлых и лёгких мортир, пушек Норденфельда и Кане использовались «ноу-хау» Крымской войны — круговые основания для орудий. Это позволяло быстро менять сектора обстрела в радиусе 360°, оперативно реагируя на меняющуюся ситуацию боя, в том числе и на угрозу с сухопутного направления.

Следует отметить, что в 1890-х гг. основу Средиземноморской эскадры Великобритании составляли броненосцы типа «Ройял Соверен» («Royal Sovereign»), которые, по мнению английских современников, представляли собой оптимальную схему броненосца, своеобразный венец его эволюции, «совокупность силы и красоты». Водоизмещение составляло более 14 тыс. т, а осадка — 8 м. Длина и ширина — 125 м и 23 м соответственно. Главный броневой пояс превышал 450 мм, бронирование палубы — от 64 до 76 мм. Основное вооружение состояло из четырёх орудий главного калибра (343 мм) (по два в носовой и кормовой установках), а также из десяти 6-дюймовых орудий повышенной скорострельности и дальности (по пять на каждый борт)⁶⁷.

В то же время некоторые особенности данных броненосцев ставили под вопрос их неуязвимость в гипотетическом столкновении в Проливах. Вооружённые конфликты той эпохи продемонстрировали, что броневая палуба линкоров всё же пробивается снарядами тяжёлых мортир. Кроме того, корабли класса «Ройял Соверен» относились к барбетному типу, как и большинство английских броненосцев Средиземноморской эскадры. Орудийные установки главного калибра устанавливались не в башнях, а в барбетах — неподвижных ограждениях из брони, внутри которых на подвижной платформе располагались орудия. Защита сверху отсутствовала, что предопределяло поражаемость расчётов и казённых частей орудий от навесной мортирной стрельбы, в том числе простой шрапнелью⁶⁸. Кроме того, барбетная схема приводила к относительно медленной перезарядке орудий. Средняя скорострельность главного калибра достигала двух выстрелов в 3 минуты, чего было вполне достаточно для эскадренного боя, но мало для скоротечного огневого столкновения. Из скорострельных же пушек броненосца в связи с их бортовым размещением только часть была способна на продольный огонь⁶⁹. К тому же шесть из десяти этих орудий конструктивно оборудовались простыми артиллерийскими щитами, которые защищали от шрапнели, но пробивались средним калибром с по-

⁶⁷ Вильсон Х. Броненосцы в бою. М., 2003. С. 638, 639.

⁶⁸ Там же. С. 638.

⁶⁹ Там же. С. 639.

ражением расчёта. Остальные корабли эскадры сохраняли способность ведения «перекидного» огня, правда, оставаясь без точных данных о расположении русских батарей и находясь в зоне «уверенной досягаемости» тяжёлых мортир и пушек. Осада Порт-Артура показала высокую живучесть сухопутной тяжёлой артиллерии даже в укреплениях полевого типа⁷⁰.

Результативность огня наземной артиллерии по кораблям в проливных узостях проявилась в ходе неудачной попытки прорыва англо-французского флота через Дарданеллы в марте 1915 г. Командующий Средиземноморскими силами союзников генерал Я. Гамильтон отмечал: «Долговременная оборона противника была принуждена к молчанию, но мобильные орудия с закрытых позиций на полуострове и в Азии были очень активны и по-прежнему навязывали свою волю»⁷¹. Складывается впечатление, что только тяжёлые мортиры и могли справиться с прорывом новейших британских броненосцев через Босфор.

Описанный замысел расположения и применения орудий Особого запаса был нацелен на максимальное использование преимуществ специфической местности и таких характеристик мортир, как навесная траектория и мощность снаряда. Низкая скорострельность при этом компенсировалась количеством. При ином подходе, как показало дальнейшее развитие событий, присущие тяжёлой артиллерии особенности проявлялись в негативном ключе. В ходе осады Порт-Артура, например, «совершенно непригодными для стрельбы по кораблям на большие дистанции оказались недалёкобойные и нескорострельные 9-дюймовые пушки, 11- и 9-дюймовые мортиры»⁷².

Намерения сторон. Англичане имели достаточно полное представление о составе Черноморского флота, но, судя по всему, не знали о замысле и планируемом использовании Особого запаса. При этом у них уже имелся опыт ведения боевых действий в проливных узостях, защищаемых артиллерией. Так, в 1807 г. эскадра адмирала Д. Дакворта предприняла экспедицию к Константинополю. При прорыве через турецкие артиллерийские позиции в Дарданеллах корабли английского адмирала понесли значительный урон, потери в людях достигли 300 человек⁷³.

Полагая основной целью России захват Константинополя и обоих Проливов, ещё в апреле 1885 г. британское Адмиралтейство пришло к выводу о необходимости значительного десанта для оккупации Дарданелл или о вовлечении Турции в войну с Россией. Причём турецкое военное сотрудничество «никем не гарантировалось»⁷⁴. Озабоченность Великобритании ситуацией вокруг Босфора начала расти по мере последовательного ввода в строй новых русских броненосцев, обеспечивавших Черноморскому флоту возможность «справиться в своих водах со слабым турецким флотом»⁷⁵. К 1890 г. англичане окончательно убедили себя, что Российская империя готовит *coup de main* по захвату турецкой столицы⁷⁶. Западная военная наука традиционно понимала под этим французским термином достижение целей всей операции одним стремительным ударом с использованием элемента внезапности.

⁷⁰ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956. С. 175.

⁷¹ Hamilton J. Gallipoli Diary. Vol. 1. N.Y., 1920. P. 33.

⁷² Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Указ. соч. С. 176.

⁷³ Обручев Н.А. Указ. соч. С. 334.

⁷⁴ Папастратиакис Н. Британская стратегия... С. 196.

⁷⁵ Там же. С. 197.

⁷⁶ Marder A.J. Op. cit. P. 152.

В качестве немедленных «ответных» мер в апреле 1890 г. средиземноморская британская эскадра была формально разделена на две. Одна из них базировалась в Гибралтаре, другая — на Мальте. Последняя отвечала за Дарданеллы и всегда должна была состоять как минимум из пяти броненосцев (крайний вариант — четыре броненосца и тяжёлый крейсер)⁷⁷. В период обсуждения плана Дохтурова на одесском совещании и последующих учений Черноморского флота британский Комитет обороны империи пришёл к выводу о наличии у России достаточных возможностей, чтобы за неделю захватить Константинополь, а затем взять под контроль и Дарданеллы⁷⁸.

Как известно, в 1880–1890-е гг. ближайшей целью России в регионе являлась «старая задача — сделать Чёрное море внутренним морем»⁷⁹, однако Дарданеллы и Константинополь не выступали в качестве обязательного приза. В военном плане десантная экспедиция Черноморского флота всегда нацеливалась на «захват Верхнего Босфора и удержание его», в трактовке офицеров Главного штаба — «занятие оборонительной позиции, закрывающей вход в Чёрное море»⁸⁰. Закрепляющая эту цель высочайшая инструкция 1897 г. особо отмечала, что сделать это нужно было, «никоим образом не касаясь Константинополя»⁸¹. В беседах с британским премьер-министром лордом Р. Солсбери осенью 1896 г. Николай II своеобразно, но откровенно изложил свои намерения: «Владеть дверью [в Чёрное море] и иметь возможность укреплять её»⁸². Очевидно, что ему не поверили.

Отказ от оккупации турецкой столицы при уверенности англичан в обратном предоставлял ряд значимых преимуществ как политического, так и тактического характера. В частности, Россия резервировала для Великобритании возможность отступить, отказавшись от расширения конфликта, но при этом сохранив лицо. Соответственно перед экспедицией и Особым запасом не ставилась задача по полному или частичному уничтожению подошедшей британской эскадры. Речь шла скорее о причинении противнику неприемлемых для продолжения противоборства потерь. Используя современную терминологию, десант формировал на Верхнем Босфоре «зону запрета доступа» в Чёрное море. Для выполнения этой задачи в сложившихся в тот период условиях и с учётом реальных возможностей России замысел Особого запаса выглядит вполне реалистичным решением. Успех мероприятия при этом во многом зависел от правильного определения момента удара.

Попытки реализации. Характеристику оптимального момента проведения экспедиции одним из первых дал российский посланник в Константинополе А.И. Нелидов, представивший Александру III свой проект занятия Россией Проливов в декабре 1882 г. «неожиданным нападением при помощи внутренних усложнений или внешней опасности в Турции»⁸³. В разработках Главного штаба «внутренние усложнения» трактовались как война Турции с соседями,

⁷⁷ Ibid. P. 154.

⁷⁸ Папастратигакис Н. Британская стратегия... С. 214.

⁷⁹ Куропаткин А.Н. Разведывательная миссия в Турцию / Публ. В.А. Авдеева // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 69.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Проект захвата Босфора в 1897 году // Красный архив. 1922. № 1. С. 152–162.

⁸² Пономарёв В.Н. Свидание в Бальморале и англо-русские отношения в 90-х гг. XIX века // Исторические записки. 1977. № 99. С. 348.

⁸³ Нелидов А.И. О занятии проливов // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 182–187.

а также восстание или дворцовая революция в Константинополе. Конец XIX в. действительно оказался богат подобными событиями. В 1893–1896 гг. в Турции разразился «армянский кризис», сопровождавшийся убийствами армянского населения и массовым исходом беженцев в российские пределы. Факты резни неоднократно официально фиксировались консулами европейских стран, в связи с чем события получили широкий международный резонанс, крайне негативный для Турции. Казалось бы, для десанта ситуация сложилась самая подходящая.

В июле 1895 г. в Петербурге было создано специальное Особое совещание. Военное министерство заявило о принципиальной готовности занять Босфор 35-тысячным десантом, однако ходатайствовало об увеличении числа орудий Особого запаса и транспортной флотилии. На осуществление «полной военной готовности» к проведению экспедиции отводилось 2–3 года⁸⁴. Предложения получили поддержку Николая II, и экспедицию отложили до указанного срока.

Следует отметить наличие двух основных подходов к силовому вмешательству в турецкие дела. Для Военного министерства достаточным поводом являлись упомянутые «внутренние сложности», ослаблявшие боеспособность армии Османской империи вообще и противодесантную оборону Босфора в частности. Другая группа высших сановников рассматривала десант скорее как крайнюю и вынужденную меру. Например, руководство МИД скептически отнеслось к замыслу экспедиции, полагая его «подёрнутым налётом политических иллюзий, от которых никогда не свободны проекты генерала Обручева»⁸⁵. Внутренние беспорядки в Турции дипломаты считали не благоприятствующим, а скорее вредным для России фактором. Так, гр. В.Н. Ламздорф, занимавший в то время пост начальника канцелярии министерства, полагал необходимым в «армянском» вопросе оказывать постоянное давление на Турцию с целью добиться от Константинополя серьёзных уступок, которые только и могли привести к умиротворению региона и к недопущению масштабного иностранного вмешательства⁸⁶. К этой группе примыкал и министр финансов С.Ю. Витте, который, по его словам, всегда выступал «весьма настоятельно, резко и решительно против этой затеи»⁸⁷.

В 1896 г. началось восстание греков на турецком Кипре, поддержанное добровольцами из материковой Греции и вылившееся в апреле–мае следующего года в «Тридцатидневную» войну между двумя странами. Обстановка в очередной раз благоприятствовала проведению Босфорской экспедиции, тем более что Англия под влиянием мирового возмущения от армянской резни на какое-то время отказала Турции в однозначной поддержке. Возникла реальная перспектива вмешательства в конфликт европейских держав. На этом фоне в феврале 1896 г. состоялось очередное Особое совещание по Босфору, на сей раз под председательством генерал-фельдмаршала И.В. Гурко. Окончательно были определены численность десантного отряда и конкретное распределение сил. По ходатайству Обручева принято решение о срочной закупке дополнительных судов для переоборудования их в специализированные военные транспорты постоянной готовности. Николай II одобрил выводы совещания, несмотря на протесты Витте, который всё же затормозил приобретение пароходов.

⁸⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 587, л. 217–219.

⁸⁵ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 235.

⁸⁶ Там же. С. 329.

⁸⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1994. С. 97.

Тем временем Нелидов направил императору докладную записку, где утверждал, что вооружённое вмешательство великих держав в турецкие дела «в более или менее близком будущем почти неизбежно»⁸⁸. По всем признакам наступала ситуация, охарактеризованная Особым совещанием 1881 г., а именно «приближающаяся окончательная развязка Восточного вопроса». Позиция руководства России на тот момент соответствовала ранее предусмотренным действиям и сводилась к закреплению за собой стратегически важного пункта в Проливах.

В ноябре 1896 – январе 1897 г. состоялось несколько совещаний с участием Николая II и высшего военно-политического руководства империи. Управляющий Морским министерством П.П. Тыртов считал неизбежным «вступление европейских держав в Дарданеллы, а может быть, и в Константинополь»⁸⁹. Реакция предусматривалась простая, в общих чертах предопределённая ещё Александром III: «В этом случае нам предстоит, конечно, без согласия европейских держав, выйти с Черноморским флотом в Босфор и занять его укрепления десантом». В военном отношении цель формулировалась также традиционно – «надёжная, твёрдая оборона Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Чёрное море»⁹⁰.

В январе 1897 г. император утвердил инструкцию для Одесского военного округа и Черноморского флота на проведение операции. Командующим был назначен главный командир Черноморского флота вице-адмирал Н.В. Копытов. Передовой эшелон десанта, перебрасываемый первым рейсом, составлял 30 500 человек (две пехотные дивизии и стрелковая бригада) при полевых орудиях. Подготовленный к перевозке на двух транспортах Особый запас состоял, как отмечалось, из 82 мортир и пушек. По плану командующего экспедицией в операции должны были участвовать все шесть броненосцев Черноморского флота⁹¹. Специально предусматривался «мирный» вариант, условием которого являлось «добровольное» согласие султана на занятие русскими войсками турецких береговых укреплений⁹². При этом согласие никак не влияло на развертывание Особого запаса в районе бухты Буюк-Дере и его скорейшее приведение в боевую готовность. Естественно, мирный характер действий экспедиционных войск применительно к туркам никоим образом не распространялся на чужую, попытавшуюся прорваться эскадру.

Примечательным является задействованный состав Особого запаса, относительно слабый на фоне дальнейшего своего состояния. Очевидно, руководство Военного министерства и командование Одесского военного округа полагали такой состав вполне достаточным, чтобы предотвратить различные необдуманные действия на Босфоре со стороны эскадры кого-либо из участников вмешательства. В соответствии с высочайше утверждённой инструкцией Нелидову поручалось при наступлении критического момента немедленно известить об этом командующих Одесского военного округа и Черноморского флота по телеграфу условной фразой: «Давно без известий»⁹³. Указанная теле-

⁸⁸ Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. № 4–5(47–48). С. 50–70.

⁸⁹ *Петров М.А.* Указ. соч. С. 82.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 85.

⁹² Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 67.

⁹³ Там же. С. 152–162.

грамма, по конфирмации императором, служила сигналом к началу операции и немедленной посадке войск на суда⁹⁴.

Однако вооружённое вмешательство европейских государств с выходом к Константинополю не состоялось, соответственно отсутствовал повод для осуществления задуманной операции. Известный военно-морской историк М.А. Петров подчёркивал: «Между тем приготовления к ней были вполне закончены, флот и десант находились в полной готовности»⁹⁵. С другой стороны, «самодеятельность» по захвату Босфора в условиях наличия в Восточном Средиземноморье эскадр четырёх крупнейших европейских держав могла привести к неприятным последствиям. Впечатления Александра II от Крымской войны — «когда вся Европа опрокинулась на нас»⁹⁶ — никто не хотел переживать лично.

В результате Босфорская экспедиция была в очередной раз отложена, а практические действия России свелись к участию в международных усилиях по морской блокаде Кипра, высадке на остров немногочисленного экспедиционного корпуса и другим мерам по локализации конфликта. Провозглашённая позже административная автономия острова не имела никакого отношения к решению Босфорской проблемы для России. Можно констатировать, что руководству страны не удалось «отстранить всё, что могло бы затруднить успешный исход мероприятия... создавать и укреплять благоприятные к тому условия»⁹⁷. По мысли Нелидова только такая политика являлась гарантией успеха Босфорской операции. В реальности же разнонаправленность внешнеполитических приоритетов привела к общей дезорганизации целеполагания и управления. Ситуация усугублялась личными качествами Николая II, не обладавшим в то время достаточным государственным опытом. Перед русско-японской войной Куропаткин не без сарказма отмечал в своём дневнике: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы... Он всё же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России»⁹⁸.

Год несостоявшейся Босфорской экспедиции ознаменован резким усилением активности России на Дальнем Востоке, несмотря на постоянную оппозицию Военного министерства. Были приняты решения по значительному усилению русской эскадры на Тихом океане, развёрнута масштабная судостроительная программа. Летом 1897 г. началось строительство Маньчжурской железной дороги (КВЖД), являвшейся, по мысли Витте, стержнем «мирного проникновения в Маньчжурию»⁹⁹. В декабре русская эскадра вошла в гавань Порт-Артура, позднее было подписано соглашение с Китаем об аренде Россией этого порта и Квантунской области. В конце 1897 г. ушёл в отставку Обручев, а вслед за ним военный министр П.С. Ванновский.

На этом фоне происходило то, что занявший пост министра Куропаткин обозначил как «ослабление на Западе вследствие расхода огромных средств

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Петров М.А. Указ. соч. С. 85.

⁹⁶ Дневник Д.А. Милютин. Т. 2. М., 1949. С. 70.

⁹⁷ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 94/101, л. 1.

⁹⁸ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. № 2. С. 31.

⁹⁹ *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 46.

на Дальнем Востоке»¹⁰⁰. На завершение подготовки и проведение экспедиции на Босфор стало банально не хватать ресурсов, уходивших во внеочередном порядке на Ляодунский полуостров. Стоимость требуемого артиллерийского вооружения только по морскому фронту Порт-Артура составляла более 43 млн руб., необходимые инженерные сооружения по сухопутному фронту крепости оценивались в 10 млн, по морскому – в 8 млн руб.¹⁰¹ Для сравнения, средняя стоимость постройки броненосца в то время немногим превышала 6 млн руб.¹⁰²

Дальневосточные нужды предсказуемо привели к попыткам растаскивания Особого запаса. В 1898 г. часть его пушек была отправлена в Порт-Артур (70 орудий, из них 52 – тяжёлых)¹⁰³. Тем не менее в условиях конкуренции и внутривластного соперничества Военное министерство в последние годы XIX в. активизировало подготовку экспедиции. В соответствии с «табелью» Демьяненкова Особый запас был увеличен до 140 орудий, а план Дохтурова на проведение операции разработан исходя из этого количества.

На Одесском совещании 1900 г. Куропаткин так разъяснил своё видение «оптимального момента»: «1) Непрочное здоровье султана и его отношение к окружающим лицам. Многочисленные партии при дворе, которые ожидают только смерти султана. Между ними есть и такие, которые, быть может, желали бы ускорить эту смерть. Представьте себе, наступает такая катастрофа, вспыхивает революция: наш посол телеграфирует, что в Константинополе полная анархия, резня. Такую телеграмму можно получить и скоро. 2) Как мы ни сдерживаем Болгарию и ни отдаляем развязку, но в Болгарии и Македонии неспокойно... На Балканском полуострове может вспыхнуть восстание, возникнуть хаос. Турки, может быть, проявят полное напряжение своих сил, чтобы восстановить порядок, а мы вынуждены будем разнимать или стать союзниками одной из сторон. 3) Европейская война может вспыхнуть помимо нас. Представим, что в Китае обстоятельства запутаются, Германия и Англия поссорятся между собою и свяжут себе руки. Если мы этим не воспользуемся, то ещё раз упустим благоприятный шанс»¹⁰⁴.

Очевиден отход от положений Особого совещания 1881 г. Речь уже не шла о защите своих интересов при международной операции против Турции. Как показал 1897 г., нужное развитие событий не гарантировалось. В 1900 г. предлагалось действовать самостоятельно, просто воспользовавшись благоприятной ситуацией. В этой связи состав Особого запаса может служить определённым индикатором конкретных намерений Российской империи. Запас «Тотлебена–Обручева» был относительно скромным и нацелен на противодействие в основном английской эскадре при дезорганизованной международным вмешательством турецкой армии. Особый запас в варианте «Демьяненков–Протопопов» состоял из 140 орудий и 24 пулеметов и был способен, совместно с десантными частями, к противостоянию значительным пехотным силам, поддержанным британской эскадрой. Постепенным расширением боевой задачи объясняются рекомендации и пожелания по усилению десанта и увеличению его числен-

¹⁰⁰ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 20.

¹⁰¹ Айранетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 4. М., 2018. С. 178.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Тем не менее к 1900 г. командованию Одесского военного округа почти удалось восстановить «табельную» численность орудий (РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 42).

¹⁰⁴ Там же, л. 26.

ности, звучавшие в начале XX в. постоянно, в том числе на стратегической штабной игре 1902 г.

Тем временем под влиянием смены вех во внешней политике в военноморской среде сформировалась группа влиятельных сторонников активных действий «океанского флота» на Дальнем Востоке и усиления Средиземноморской эскадры как его резерва. Заметной фигурой в этой группе являлся вице-адмирал Н.Н. Ломен, возглавлявший Военно-морской учёный отдел ГМШ и негативно оценивавший способность Черноморского флота противостоять англичанам¹⁰⁵. Поднялась волна критики как замысла Босфорской экспедиции, так и роли Особого запаса. Возможно, под влиянием Ломена адмиралы и офицеры, выступавшие в качестве морских посредников на учениях 1902 г., в своих отзывах специально отметили, что надо захватывать не только Босфор, но оба пролива, для чего необходима мощная русская эскадра Средиземного моря¹⁰⁶. В действенность огня орудий Особого запаса морские посредники не верили, хотя присутствовали и на штабной игре, и на манёврах: «По устарелости своих орудий и медленности их установки, вследствие большого их веса, [Особый запас] не в состоянии выполнить главную свою задачу — оказать могущественную защиту минному заграждению ко времени прихода английского флота»¹⁰⁷. Однако эта точка зрения опровергалась неоднократно проводившимися в Одесском военном округе учениями по перевозке и быстрой установке мортир, а также успешными практическими стрельбами. Примечательно, что пессимистические оценки не подкреплялись тактическими эпизодами и расчётами из только что состоявшихся военно-штабной игры и манёвров. В доводах ГМШ угадывается определённая ангажированность.

В январе 1903 г., на фоне непростой международной обстановки, Куропаткину вновь удалось убедить Николая II в актуальности проведения экспедиции на Босфор и необходимости, «будучи бдительными на Востоке, обратить особое внимание на Запад»¹⁰⁸. В марте—апреле в Петербурге под председательством генерала Протопопова, яркого сторонника десантного проекта, работала комиссия, рекомендовавшая значительное усиление перебрасываемых сил, увязывая численность десантного отряда с мобилизацией турецких войск и скоростью их концентрации на Босфоре. Планировалось завершение формирования в Одессе штатного десантного батальона, приобретение четырёх военных транспортов, увеличение количества мин заграждения и т.д. Особый запас предлагалось практически удвоить¹⁰⁹.

Своеобразной изюминкой явился запрос на постройку 12 специальных малых броненосцев для прибрежного действия в ходе десанта. Образцом для них должен был послужить недавно вошедший в строй «Ростислав» — седьмой броненосец Черноморского флота, с мощной артиллерией, небольшого водоизмещения и уменьшенной осадки. На реализацию программы требовался 41 млн руб.¹¹⁰

Работу комиссии Протопопова можно рассматривать как попытку сформировать из Босфорской экспедиции определённую стратегическую альтерна-

¹⁰⁵ РГАВМФ, ф. 433, оп. 1, д. 51, л. 29.

¹⁰⁶ Там же, л. 15.

¹⁰⁷ Там же, л. 27.

¹⁰⁸ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 20.

¹⁰⁹ Петров М.А. Указ. соч. С. 87.

¹¹⁰ Там же.

тиву операциям на Дальнем Востоке. В практическом же плане выполнение рекомендаций комиссии вылилось бы в создание ещё одного полноценного десантного отряда, усиленного «вторым изданием» Особого запаса в «прежней редакции» Демьяненкова. Таким способом, предположительно, улучшалась подготовка следующих эшелонов десанта, предназначенных к закреплению и расширению результатов первой высадки.

В августе–сентябре 1903 г. Черноморский флот провёл масштабные двусторонние манёвры с боевыми стрельбами, целью которых являлась последовательная отработка всех этапов экспедиции на Босфор. При этом часть кораблей «играла» за противодействующие английские броненосцы¹¹¹. К сожалению, организационная сумятица предыдущих лет не прошла даром. В ходе учений выявились значимые недостатки во взаимодействии флота и армейских подразделений. Броненосцы не сумели подавить артиллерийские батареи и учебные цели у Очакова, транспорты с десантом шли с отставанием от графика и т.д. «Опыт десантных операций, накопленный в правление Александра III, растрочен, о координации действий морских и армейских офицеров говорить не приходилось», — заключил О.Р. Айрапетов¹¹².

Необходимо отметить, что обнаруженные недочёты и ошибки являлись неизбежными в учениях крупного масштаба и не носили принципиального характера. В любом случае они не шли в сравнение с организационной неразберихой «отрядомании», вскоре ярко проявившейся на полях Маньчжурии, и могли быть устранены в достаточно короткий срок при выделении небольшой части тех ресурсов, которые уходили на Дальний Восток. В то же время расчёты Особого запаса в учениях проявили себя лучше других подразделений. Допустив отставание от графика при разгрузке с транспортов и сборке орудий, артиллеристы и сапёры под Балаклавой в течение суток собрали переносную железную дорогу в две колеи, на горе Кристи возвели четыре тяжёлые батареи, проложили необходимые телеграфные линии¹¹³. Однако на это не обратили должного внимания, и результаты учений были сочтены провальными. Данное обстоятельство и резкое ухудшение ситуации на Дальнем Востоке привели к тому, что в стратегических планах Черноморского флота на 1904 г. десант на Босфор уже не значился.

В апреле 1905 г. состоялось межведомственное совещание на уровне министров по рассмотрению перспектив дальнейшего развития флота России. В его решениях специально отмечалось, что задача Черноморского флота по организации Босфорской экспедиции «должна быть отдалена на несколько лет, так как Особый запас и вообще все не полные ещё средства, заготовленные военным ведомством для десантной экспедиции, в настоящее время получили другое назначение и употреблены для надобностей войны с Японией»¹¹⁴. Через месяц после этого совещания произошло Цусимское сражение.

Общие потери русских боевых кораблей в ходе войны привели к тому, что после подписания Портсмутского мирного договора единственным боеспособным флотом России оказался Черноморский, к тому же затронутый на какое-то время революционным брожением. Возникла необходимость в новой кораблестроительной программе, причём задача усложнялась появлением в 1906 г. но-

¹¹¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 9723, л. 1–3.

¹¹² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 4. С. 139.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Петров М.А. Указ. соч. С. 96.

вого типа линейного корабля — дредноута, на порядок лучше защищённого и вооружённого, чем броненосцы старых типов.

В октябре 1906 г. начальник недавно созданного Морского Генерального штаба капитан I ранга Л.А. Брусилов представил императору специальный доклад о программе развития и реформ морских вооружённых сил России. Автор отметил, что «в настоящее время, в виду ничтожности сил, нам не представляется возможным вести какие-либо наступательные операции, а остается одно: использовать наши слабые силы для обороны важнейших пунктов побережья». Задача по захвату Босфора с Черноморского флота не снималась, но откладывалась на будущее, «пока не обезопасим себя на западе созданием флота на Балтийском море, где грозит нам наибольшая опасность»¹¹⁵. Правда, в 1907 г. в Совет государственной обороны поступило представление Военного министерства о «возврате в Особый запас всех позаимствованных из него во время войны орудий»¹¹⁶. Основные выводы Брусилова были закреплены уже в директивном документе «Стратегические основания для плана войны на море», одобренном Николаем II в марте 1907 г. Принятая летом того же года «Малая судостроительная программа» обусловила оборонительный характер действий России на Чёрном море, предусмотрев строительство для данного морского театра только миноносцев¹¹⁷.

В сложившихся условиях ни младотурецкая революция лета 1908 г., ни последовавшая осенью аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины не могли подвинуть руководство России к совершению десанта на Босфор. Более того, при обсуждении военных мер по разрешению Боснийского кризиса морской министр И.М. Диков был готов направить в Средиземное море несколько кораблей Балтийского флота, но при этом возможность занятия Верхнего Босфора представлялась ему «вопросом неопределённого будущего»¹¹⁸.

В июле 1912 г. состоялось Особое совещание «по вопросу организации десантной экспедиции на Чёрном море» под председательством начальника Генерального штаба Я.Г. Жилинского¹¹⁹. Констатировалось, что «десантная экспедиция к Босфору при современном соотношении морских сил наших и турецких невыполнима». Прозвучало предложение, не нашедшее, впрочем, поддержки большинства, об «уничтожении Особого артиллерийского запаса и об упразднении Одесского крепостного артиллерийского батальона»¹²⁰. Позднее «государю императору благоугодно было согласиться с мнением меньшинства», его повелением Особый запас и Одесский артиллерийский батальон в том же году упразднили¹²¹.

* * *

Особый артиллерийский запас, сформированный в Одесском военном округе в последнее десятилетие XIX в., являлся специальной структурой для

¹¹⁵ Там же. С. 110.

¹¹⁶ *Болдырев А.В.* Босфорская операция осталась на бумаге // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 62.

¹¹⁷ *Петров М.А.* Указ. соч. С. 119.

¹¹⁸ *Козлов Д.Ю.* Российские планы войны на Чёрном море и «проблема Проливов» 1907–1914 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 100–110.

¹¹⁹ Подробнее см.: *Болдырев А.В.* Босфорская операция осталась на бумаге. С. 60–67.

¹²⁰ Там же. С. 62.

¹²¹ Там же.

решения специфических задач. Его масштабы, способ доставки и применения преобразовали замысел десанта на Босфор в крупную морскую экспедицию, операцию почти уникальную для русского флота. На современном языке это была «проекция силы» в кризисный регион, считавшийся критически важным для безопасности страны. В процессе «проецирования» Особый запас выступал в качестве своеобразной «неубиваемой» козырной карты, позволявшей в конкретном месте противостоять, по крайней мере, на равных сильнейшей военно-морской державе того времени. Создание подобного артиллерийского формирования и разработка схемы его применения явились показателем развития и возможностей военного механизма Российской империи. В свою очередь способность (или неспособность) своевременно провести Босфорскую операцию в целом характеризовала стратегическое мышление и горизонт планирования уже высшего руководства страны. Внешнеполитическая и военная активность России в итоге сконцентрировалась на другом направлении. Как изысканно выразился в 1901 г. адмирал Тыртов, «центр тяжести перешёл с Ближнего Востока на Дальний»¹²².

Замысел Тотлебена и Обручева обеспечивал экспедиции на Босфор ряд значимых преимуществ — короткая операционная линия, выбор места и времени удара, численное и функциональное преобладание над противником на каждом этапе операции. В развернувшейся же русско-японской войне аналогичными преимуществами воспользовались армия и флот микадо, безответно расстреливавшие тяжёлой артиллерией в бухтах Порт-Артура корабли Первой тихоокеанской эскадры. Такая же участь готовилась для броненосцев британской эскадры на Верхнем Босфоре.

Специфичность Босфорской экспедиции и Особого артиллерийского запаса привела к тому, что в начале XX в. в Проливах использовались уже другие способы и формы десантных операций. Многочисленные манёвры и учения по совместному использованию орудий и минных постановок привели к окончательной доработке теории минно-артиллерийской позиции. Уже в 1901 г. общеизвестной считалась идея о том, что «связь артиллерии с минными заграждениями так велика, что ни одна, ни другая в отдельности не могут оказать продолжительного сопротивления неприятельскому флоту»¹²³. На практике эта идея была вскоре реализована путём организации минно-артиллерийских позиций в Финском и Рижском заливах. Бои с германским флотом в Моонзундском архипелаге осенью 1917 г. убедительно доказали их эффективность.

В целом проведение Босфорской экспедиции в любом из её вариантов предполагалось в условиях мирного времени, а не общеевропейских боевых действий. К тому же обязательным условием её успеха являлось безусловное преобладание на море Черноморского флота. Эти обстоятельства послужили основными причинами того, что Особый запас в виде отдельного формирования не был воссоздан и задействован по прямому назначению в годы Первой мировой войны.

¹²² РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 588, л. 74.

¹²³ Шелов А. В. Опыт исследования обороны береговых крепостей с моря // Инженерный журнал. 1901. № 7. С. 2.